Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 29.
Eurasian advocacy. 2023;(1(60)):29.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi 10.52068/2304-9839_2023_60_1_29

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ В ПРОЦЕДУРАХ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА, НАПРАВЛЕННЫМ НА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

ОРДИНАРЦЕВ Игорь Игоревич
Кандидат юридических наук, прокурор отдела Прокуратуры города Москвы
109992, г. Москва, ГСП-2, пл. Крестьянская Застава, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: В данной работе автор описывает основные способы противодействия злоупотреблениям в процедурах преднамеренного банкротства, реализуемого посредством уголовно-правового инструментария. На основании эмпирического материала подчеркивается значимость деятельности государственных органов и организаций в банкротной практике. Автором отстаивается идея активного использования уголовно-правовых механизмов защиты экономических интересов физических и юридических лиц.

Ключевые слова: банкротство, злоупотребление в банкротстве, налоги, уклонение от уплаты налогов

Для цитирования: Ординарцев И.И. Противодействие злоупотреблениям в процедурах преднамеренного банкротства, направленным на уклонение от уплаты налогов // Евразийская адвокатура. 2023. № 1(60). С. 29. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_60_1_29

Actual problems of advocacy practice

Original article

COUNTERING ABUSES IN INTENTIONAL BANKRUPTCY PROCEDURES AIMED AT TAX EVASION

ORDINARCEV Igor Igorevich
Candidate of Law, Prosecutor of the Moscow City Prosecutor's Office
109992, Moscow, GSP-2, Krestyanskaya Zastava Square, 1, Russian Federation

Abstract: In this paper, the author describes the main ways to counter abuse in the procedures of intentional bankruptcy, implemented through criminal legal tools. Based on empirical material, the importance of the activities of state bodies and organizations in bankruptcy practice is emphasized. The author defends the idea of the active use of criminal law mechanisms to protect the economic interests of individuals and legal entities.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy abuse, tax, tax evasion

For citation: Ordinarcev I.I. Countering abuses in intentional bankruptcy procedures aimed at tax evasion = Eurasian advocacy. 2023;1(60):29. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2023_60_1_29

Профессиональное сообщество считает, что в законодательстве предусмотрено недостаточное количество разновидностей уголовного состава, пригодного для ситуации банкротства. Якобы даже при возбуждении дела отсутствие понимания развития бизнеса и движения финансовых потоков, а также частного права сильно затрудняет работу правоохранительных органов по имеющимся вариантам состава.

Согласиться с этим можно лишь отчасти. На самом деле разновидностей банкротного (околобанкротного) состава в Уголовном кодексе РФ достаточно. В первую очередь это статьи 195 и 196 УК РФ, устанавливающие ответственность за неправомерные действия при банкротстве, а также за преднамеренное и фиктивное банкротство.

Практически значимы и многие варианты экономического состава, направленные на пресечение неправомерного вывода и сокрытия активов (ст. 145.1, 159, 159.1, 160, 174, 176, 177, 199, 199.1, 199.2, 303, 330 УК РФ). В частности, речь идет о мошенничестве, в том числе в сфере кредитования; о злоупотреблении полномочиями; присвоении или растрате; самоуправстве; легализации (отмывании) денежных средств либо иного имущества, приобретенных другими лица-

© Ординарцев И.И., 2023

ми преступным путем; о незаконном получении кредита; злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности; фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности; полной или частичной невыплате заработной платы; уклонении от уплаты налогов и (или) сборов с организации; сокрытии денежных средств организации, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов; неисполнении обязанностей налогового агента по перечислению налогов в крупном размере. Тем не менее использование уголовного инструментария в банкротстве обрастает множеством нюансов.

Диспозиции ст. 195 и 196 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство) сформулированы так, что, по сути, дублируют обычный экономический состав: мошенничество, злоупотребление полномочиями, присвоение, растрату и т. п. Однако дополнительно ст. 195 УК РФ требует так называемой банкротной обстановки как квалифицирующего признака состава. Иначе говоря, противоправные действия должны быть совершены уже при наличии соответствующих признаков несостоятельности. Это усложняет предмет доказывания. Во многих случаях формально из-под действия такого специального состава выпадают лица, которые в банкротной практике тоже являются должниками.

Например, привлечь поручителя к ответственности по ст. 195 УК РФ практически невозможно, поскольку признаки банкротства у него обычно появляются не ранее предъявления требования к основному должнику. А это сразу заставляет задуматься о том, зачем вообще нужен специальный состав, если есть разновидности классического экономического состава, которые всем более понятны ввиду накопленного опыта. В итоге получается, что проще использовать классический экономический состав, в котором предмет доказывания уже, а последствия для целей банкротства одни и те же – борьба с неправомерным выводом и сокрытием активов. Практика в сфере банкротства, формируемая ФНС России с использованием уголовного инструментария, показательна.

Своими заявлениями налоговая служба «не травмирует психику» правоохранительных органов и просит возбуждать уголовные дела исключительно по так называемому налоговому составу. Особенно популярны, как показывает анализ различных дел, пункты «а» и «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ – уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере.

В диспозиции ст. 196 УК РФ не назван бенефициар юридического лица, хотя в законодательстве о банкротстве и соответствующей практике прослеживается общий тренд по усилению норм о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам банкрота именно бенефициаров и контролирующих должника лиц (КДЛ). Это означает, что конечный бенефициар и КДЛ под действие уголовного состава не подпадают априори. К тому же описанное в ст. 196 УК РФ деяние в числе прочего подпадает под признаки такого уголовного состава, как присвоение и растрата, самоуправство, превышение должностных полномочий, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

Сразу вспоминается принцип «бритвы Оккама». Нет смысла множить сущности без необходимости, если для привлечения к ответственности бенефициара или КДЛ, к которым ушло имущество банкрота, можно воспользоваться другими уголовными составами без жесткой привязки к правовому статусу субъекта (участник, руководитель).

Кроме того, статья 197 УК РФ о фиктивном банкротстве практически неэффективна из-за того, что банкротом должника признает суд, а не обратившееся с заявлением лицо. С позиции правоохранительных органов это означает следующее: если суд признал лицо банкротом, то сомнений в фиктивности быть не может, поэтому бессмысленно обсуждать некие заведомо ложные публичные объявления руководителя или учредителя (участника) юридического лица о его несостоятельности. Дополнительные «чисто технические» особенности появляются и в делах о преднамеренном банкротстве граждан. В соответствии с законодательством анализ на наличие признаков фиктивного / преднамеренного банкротства проводится финансовым управляющим по методике, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» (далее – методика). Данная методика основана на изучении документов отчетности.

В связи с отсутствием у граждан отчетности большинство финансовых управляющих идет простым путем: составляет заключение о том, что существующая методика не позволяет проверить гражданина на наличие признаков преднамеренного / фиктивного банкротства, либо просто делает вывод об отсутствии указанных признаков.

Формально обязанности изучать каждую сделку, совершенную за последние три года (например, по выпискам со счетов), чтобы выявить, какая из них привела к банкротству, у арбитражного управляющего нет. Тем не менее на практике это единственный способ понять, что произошло, если отсутствует отчетность для анализа.

Соответственно, без заключения арбитражного управляющего о наличии признаков преднамеренного / фиктивного банкротства оснований для возбуждения уголовного дела нет. Конечно, формально никто не запрещает кредитору проявить активность и за свой счет провести экспертизу на наличие признаков преднамеренного банкротства, но велика вероятность формального возражения, основанного на отсутствии необходимой методики, разработанной с учетом требований законодательства о банкротстве.

Таким образом, если на данный момент и использовать Уголовный кодекс в отношении недобросовестных должников и их бенефициаров, то через классический экономический состав преступления.

И все же перспективы у специального состава есть, особенно если вспомнить о многостадийности и многосубъектности банкротного процесса. Так, норма ст. 195 УК РФ о неправомерных действиях при банкротстве фактически пригодна для ситуаций, когда бороться надо не с противоправными действиями должника, а с недобросовестным поведением арбитражных управляющих.

Это крайне актуально, если учесть, что цель банкротства – обеспечение баланса интересов как должника, так и кредиторов, за которым в первую очередь должен следить арбитражный управляющий. Положения о преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ) – действенный механизм для запуска комплекса мер по влиянию на развитие так называемого банкротного сценария. Арбитражный управляющий направляет сообщение о наличии признаков преднамеренного банкротства в правоохранительные органы. Последние начинают сбор информации, в ходе которого обычно становится понятно, что одним уголовным составом не обойтись. Это позволяет расширить фактологию и найти доказательства для возбуждения уголовных дел по экономическому составу. Иначе говоря, изолированное обвинение только по ст. 196 УК РФ случается редко и само по себе неэффективно. Однако этот состав является своего рода триггером для раскрутки уголовного инструментария в деле о банкротстве – с переквалификацией изначально заявленного состава в классический экономический либо с присоединением такового. Как показывает проведенный нами статистический анализ, такой подход часто используется АСВ, а также самими банками в роли кредиторов-заявителей.

В частности, для целей банкротства обычно применяются следующие комбинации состава преступления:

– ст. 196 и 160 УК РФ – преднамеренное банкротство и растрата в особо крупном размере;

– ст. 196 и 159 УК РФ – преднамеренное банкротство и мошенничество;

– ст. 196, 160, 172.1 УК РФ – преднамеренное банкротство и растрата, а также фальсификация финансовых документов и отчетности финансовой организации;

– ст. 196, 159.1, 201 УК РФ – преднамеренное банкротство и мошенничество в сфере кредитования, злоупотребление полномочиями;

– ст. 196, 159, 159.1, 159.2, 174.1 УК РФ – преднамеренное банкротство и мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, мошенничество при получении выплат, легализация (отмывание) денежных средств, полученных в результате преступления.

Наконец, с помощью ст. 197 УК РФ можно попытаться воздействовать на менеджмент, который посредством заявления о банкротстве старается добиться паузы в удовлетворении требований кредиторов или обеспечить экономию на неустойках за счет введения мораторных процентов.

Во всех случаях главное – не забывать о том, что инициирование уголовного преследования именно в контексте банкротных отношений не является самоцелью и призвано прежде всего обеспечить возможность достижения главной цели процедуры несостоятельности, а именно максимального удовлетворения требования кредитора с соблюдением баланса интересов всех остальных участников многосубъектного банкротного процесса.

Знание нюансов и тенденций использования уголовного инструментария в банкротном процессе позволяет заранее сформировать стратегию поведения в процессе и оценить ее перспективность.

Будучи потенциальным должником, необходимо учитывать следующее:

– стандарты добросовестного поведения в обычной экономической деятельности и в случае возбуждения дела о банкротстве различаются (законодательство о банкротстве предъявляет более жесткие требования), а это означает необходимость применения «двойного» теста на добро-

совестность, то есть оценки целесообразности тех или иных действий даже в отсутствие риска возникновения банкротства в ближайшей перспективе;

– надлежащее оформление хозяйственных операций, получение отчетов оценщиков и иных необходимых заключений зачастую может спасти должника от неблагоприятных последствий возбуждения уголовного дела, особенно когда кредитор жаждет крови и использует уголовные дела в отрыве от целей банкротного производства;

– пассивная позиция в отношении органов следствия, если уж уголовное преследование начато, неправильна, поэтому даже пребывание должника или бенефициара за границей не освобождает его адвокатов от активной работы;

– щепетильность при выборе контрагентов полезна – практика в сфере банкротства учит тому, что привнести в хозяйственную деятельность юридического лица уголовно-правовой опыт помимо его собственного банкротства могут несостоятельность или недобросовестность контрагента (анализ различных дел показывает, что сотрудничество «не с теми» банками погубило уже не одну компанию).

В свою очередь, для кредитора инициирование уголовного преследования может стать:

– дополнительным способом сбора доказательств, которые в дальнейшем будут использованы в арбитражном процессе, в том числе для розыска имущества (например, в рамках уголовного дела иногда проще получить информацию об имуществе должника из так называемых закрытых реестров, в том числе в иностранных юрисдикциях, или арестовать счета в качестве обеспечительной меры);

– обеспечением преюдициальности отдельных фактов, которые с большей вероятностью будут раскрыты и обоснованы в уголовном деле, а не в арбитражном процессе (в частности, установление фактической аффилированности лиц, которая может иметь существенное значение для привлечения впоследствии к субсидиарной ответственности);

– условием продления срока давности в рамках арбитражного процесса, поскольку установление многих далеко не очевидных фактов (к примеру, мошенничества акционеров и бенефициаров банкрота) требует значительного времени. По сути, речь идет о возможности пересмотра по новым / вновь открывшимся обстоятельствам дел, судебные решения по которым уже давно вступили в силу;

– возможностью оказания так называемого психологического давления на бенефициара, продолжающего получать выгоду (cash flow) от использования имущества банкрота.

Список источников

1. Борисов А.Н. Споры с ФНС России в деле о банкротстве: предъявление требований, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность. М.: Деловой двор, 2022.

2. Власенко Р. Н. Правовые основы и методы выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5.

3. Прошин В.М. Теория и практика расследования налоговых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2019.

4. Соловьев И.Н. Защита финансовых интересов государства: Противодействие фирмам-однодневкам и уклонению от уплаты налогов. М.: Проспект, 2014.

5. Цокова Б.А. Противодействие уклонению от уплаты налогов // StudNet. 2020. № 6.

References

1. Borisov A.N. Spory` s FNS Rossii v dele o bankrotstve: pred``yavlenie trebovanij, osparivanie sdelok, subsidiarnaya otvetstvennost`. M.: Delovoj dvor, 2022.

2. Vlasenko R. N. Pravovy`e osnovy` i metody` vy`yavleniya priznakov fiktivnogo i prednamerennogo bankrotstva // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2015. № 5.

3. Proshin V.M. Teoriya i praktika rassledovaniya nalogovy`x prestuplenij: dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2019.

4. Solov`ev I.N. Zashhita finansovy`x interesov gosudarstva: Protivodejstvie firmam-odnodnevkam i ukloneniyu ot uplaty` nalogov. M.: Prospekt, 2014.

5. Czokova B.A. Protivodejstvie ukloneniyu ot uplaty` nalogov // StudNet. 2020. № 6.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 14.01.2023.

The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 14.01.2023.